

Μαρκ Δοβλατος

Ο Γενικό
Σταρμπο
Μπο

Марк Довлатов

**О дивный старый мир.
Эротическая антиутопия**

«Издательские решения»

Довлатов М.

О дивный старый мир. Эротическая антиутопия / М. Довлатов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854996-0

Ты открываешь глаза и видишь, что стоишь на перроне. Справа — поезд «Мухосранск — Париж», слева — экспресс «Таинственный остров». Твоя жизнь — это всегда твой выбор. Ты можешь иметь все, что захочешь: пылкую любовь и буйный секс, сокровища пиратов и султанский гарем. Просто скажи: «Я хочу!». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-854996-0

© Довлатов М.
© Издательские решения

Содержание

Рыжий сон	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

О дивный старый мир Эротическая антиутопия

Марк Довлатов

*Сказать, что великое искусство
может быть сколь ему угодно вульгарным
и порнографическим, значит сказать лишь самую малость.
Искусство – это ведь радость, игра и абсурд.
Искусство – это приключенческий рассказ.
Конечно, оно также имеет отношение к правде, оно творит
правду.
Но глаза на правду ему может открыть что угодно.
Например, эротическая любовь.*

(А. Мердок. «Черный принц»)

Дизайнер обложки Марк Довлатов

© Марк Довлатов, 2019

© Марк Довлатов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-4996-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РЫЖИЙ СОН

Завтра началось в 6:00. Включилось солнце. Ветер зашумел в кронах пальм. Море вздохнуло первыми волнами прибоя.

Майкл сквозь сон услышал первые трели птиц, лучи света, проникнув через легкие жалюзи, добрались до его закрытых век и согрели их. Он потянулся, повернулся на правый бок, не открывая глаз, провел левой рукой по плечу лежащей рядом девушки, подушечки его пальцев проснулись и с удовольствием стали гладить бархатистую кожу; нос его уткнулся меж лопаток и вдохнул теплый знакомый запах. Он закопался лицом в длинные волосы, рассыпанные по спине, приоткрыл глаза, окунулся в пушистое красноватое золото, двинулся вниз, прыгая губами по бугоркам позвонков, миновал талию и приник губами к сочной плоти. Девушка что-то забормотала, совсем перевернулась на живот и вытянула руки вверх. Майкл тихонько раздвинул ее бедра и положил ладонь на внутреннюю их сторону, погладил шелк кожи, поднял руку, приоткрыл губы, тихонько прищемил клитор. Пальцы его скоро слегка увлажнились, девушка зашевелилась, согнула левую ногу в колене. Он рукой отодвинул темно-рыжие волосы и добрался губами до шеи, прижался животом к спине, лег сверху, не опускаясь до конца, раздвинул коленями бедра девушки пошире и медленно вошел в нее. Она задвигала попой, заворочалась и попыталась перевернуться, Майкл остановился, зашептал ей в ухо «спи, спи» и тихонько стал двигать бедрами.

– Нууу!!!

– Чшшш!!!

– Ну я сплю!

– Ну спи, маленькая, спи.

Майкл поднялся на руках, откатился вправо и опустил ноги на пол, доски были еще прохладными, он на цыпочках выбрался из спальни, прикрыл дверь, заскочил на минуту в ванную, вышел в коридор и зашлепал босыми ступнями по лестнице вниз. *Ну давай, сдувайся уже, а то будешь килем работать.* Первый этаж был устлан бледно-коричневой плиткой в змеиных яшмовых разводах, приятно холодившей ступни. Он распахнул створки дверей, вышел на веранду, втянул носом воздух, услышал шум прибоя, прыгнул в песок и побежал. Пальмы слева и справа двигались назад, море наступало, бросало вызов брызгами и криками чаек. Он остановился на мокром песке, погладил взглядом зеленоватую бирюзу воды, посмотрел на пах, резко зашел в воду, был омыт брызгами, вытянул руки вперед и нырнул. Под водой он открыл глаза, увидел полосатую рыбу-Наполеона в синей треуголке, стайки мальков, разогнал их руками, проплыл метров пять и вынырнул. Прибой остался позади, море спокойно колыхалось водяным матрасом, приглашало понежиться, но он мощным кролем взрезал его поверхность и минут пять плыл, наслаждаясь движением в воде, упругостью мышц, вкусом соли, бархатом воды на своей коже. Он перевернулся на спину, разбросал руки и ноги, впустил в себя голубое небо, подставил грудь золотым стрелам утреннего солнца. Перед ним была вся бухточка, двумя мысами обнимающая море, желтый песчаный берег, переходящий в буйную зелень, посередине виднелся двухэтажный дом с темно-красной черепицей крыши.

Выйдя из воды, Майкл как был, голый и мокрый, вернулся в дом. Первый этаж не был разделен на комнаты, справа была выгорожена кухня с обеденным столом, слева все было уставлено кушетками с разноцветными подушками, креслами, столиками, везде были разбросаны коврики и циновки, стены из дикого серого камня не были оштукатурены, камин в центре стены был накрыт толстым едва обработанным бревном. Он свернул направо, ткнул кнопку кофеварки, забрал у нее через минуту чашку с кофе и вышел на террасу. Ротанговое кресло скрипнуло под ним, он положил ноги на столик, выудил из пачки сигарету, хлебнул кофе

и закурил – день начался. Майкл знал, что день будет хорошим – он его таким задумал. *Сейчас докурим, поднимемся наверх...*

***

Мишель проснулся в своей маленькой квартире на улице Кардинала Лемуана. Он жил на четвертом этаже, лифта не было, отопление работало кое-как, стояла осень. Он поднялся, в крошечной кухоньке зажег газ, поставил на конфорку кастрюльку с водой для кофе и спустился по лестнице к подъезду, где молочник оставлял бутылки с молоком. С улицы пахло промозглой сыростью, он запахнул халат и вернулся домой. Вода закипела, он положил в чашку две ложки кофе, залил водой, добавил сахару и молока, достал из пачки голуазину, провел ею под носом, хлебнул кофе и закурил. Через десять минут он собрался в душ, вспомнил, что колонка поломалась, а мастера он так и не вызвал, побрился и слегка помылся холодной водой, надел теплые носки, взял свитер, приложил его к лицу, *ну ведь должна же остаться на нем хоть одна ее молекула*, надел и уселся за стол в своей единственной комнате.

Он открыл новый вордовский файл, отключил сознание от внешнего мира, вспомнил Беатрис, тело его заныло, затосковало, руки сами достали сигарету из пачки « голуаз» и написали название: «Рыжий сон». В рассказе было тепло, синело море, шумели пальмы, он просыпался в постели с рыжей девушкой, целовал ее спину, раздвигал бедра, находил тайный вход... Рассказ писался легко, грел его, оставлял в душе ощущение соли на губах и солнца в душе. Он плавал в аквамариновой воде, лежал на песке под утренним солнцем, курил, возвращался в дом, готовил завтрак и возвращался в спальню. Он говорил девушке нежные слова, все те, что иногда застревали в горле, задушенные старыми обидами, трогал каждый сантиметр ее тела, и она не возражала, позволяла делать с собой все что угодно и сама отвечала ему тем же; они были свободны, любили друг друга, им ничего не мешало: не нужно было обивать пороги издательств, платить по счетам, ремонтировать колонку, покупать одежду, считать деньги перед входом в ресторан.

Мряка за окном постепенно рассеялась, бело-серые облака бежали по небу, сквозь них проглядывало холодное осеннее солнце. Мишель решил, что на утро достаточно и надо пройтись. Он надел старый макинтош, шарф, забрал со стола сигареты, вышел на улицу и двинулся в сторону Сены, пересек бульвар Сен-Жермен, дошел до набережной Турнель и свернул налево. У реки дул свежий ветер, казалось это он гонит сонные баржи по волнам, остров Сите разрезал серую ленту воды надвое, Нотр-Дам де Пари высился на нем громадным памятником Виктору Гюго или Гару. Мишелю захотелось проведать собор, он свернул направо, перешел мост, площадь и вошел в храм – ветра в нем не было. Он сел на темную от времени скамью, поднял голову, остановил взгляд на разноцветных витражах, согрелся, вспомнил свой остров в рассказе и закрыл глаза.

Ну почему эта рыжая стерва не понимает, что мне нужно работать, писать и писать, а не ехать в бархатный сезон на Лазурный берег. Мишель достал из кармана синий блокнот и стал писать. «Он поднял руки девушки вверх, перевернул ее на живот, лег сверху, вдавил в постель, ступнями раздвинул ее ноги, прислонил член к ее сочной попке и двинул бедра вперед». *Ну сколько ей можно объяснять, что это только в сказках можно проснуться богатым и знаменитым, миллиардером на вертолете, а в жизни все несколько иначе, вернее, совсем по-другому.* «Девушка сдавленно вскрикнула, заерзала под ним, пытаясь высвободиться, но он не отпускал ее, входил все глубже, впился ей зубами в шею и медленно стал двигать бедрами. Рыжие волосы покрыли все его лицо, набились в рот, нос заполонил их запах, за ним следом шел легкий запах страха пополам с желанием». *Господи, прости меня грешного.*

Мишель вышел из собора и закурил, ветер бросил ему в лицо охапку желтых листьев, он запахнул поплотнее плащ, вернулся по мосту на Левый берег и побрел по набережной. Кон-

сьержери навис над ним своими башнями, ему казалось, что он слышит стоны заключенных в них узников. Когда справа показался сад Тюильри, он вспомнил лето, и как они с Беатрис вертелись на колесе обозрения, он ее трогал под юбкой, она отбивалась, смеялась, вырывалась, потом затихла и на самом верху ахнула и закричала во весь голос. Он уже опять основательно замерз, посмотрел налево и решил зайти в музей д'Орсе, благо очереди за билетами почти не было. В музее он прошел сразу к Ренуару, сел на скамейку перед полотном «Обнажённая в солнечном свете», вспомнил, как ее ругали современники, воспитанные на классицизме Салона, впустил в себя всю светлую палитру великого импрессиониста, перебрал в уме всех его купальщиц, девушек в соломенных шляпках, рыжих теплых женщин, опять согрелся и достал блокнот. «Они вошли в воду, взявшись за руки, брызги морской пены окутали их душистой влагой, девушка ухватила Майкла за шею, подняла ноги и задрыгала ими в воздухе. Он обнял ее за талию, подхватил за попку, поднял к лицу, впился в нее губами, девушка выгнулась назад, и они упали в набежавшую волну, вынырнули и поплыли вперед».

Выйдя из музея, он у моста Сен-Мишель повернул на бульвар, покурил у фонтана, дивясь его ренессансной вычурности, и пошел вверх. Люксембургский сад напел ему «Le Jardin du Luxembourg» Дассена, настроение у него было точно такое, как в песне, да еще напал голод вкупе с холодом. *Нужно поесть*. Он вышел из парка и решил пообедать в «Клозери де Лиля», хоть это было и дорого, вошел, сел за столик с бронзовой табличкой «Ernest Hemingway», погладил ее, как гладят американцы на удачу серебряный доллар в кармане, заказал полграна белого вина, дюжину устриц, рататуй и сыр. *Давно уже тут никто не пишет рассказы карандашом в блокноте*. Он потрогал в кармане свой синий блокнот и принялся за еду.

Выйдя на улицу, Мишель запахнул плащ, закурил и побрел по бульвару. Наползали ранние осенние сумерки. Увидев станцию метро, он спустился, прошел через турникет, вышел на платформу и на белой кафельной стене увидел огромный плакат с морем и пальмами, в голове его всплыл клип Флорана Паньи «Chatelet Les Halles», *сегодня это точно твоя песня*:

*Между серостью и граффити,
Где заперта повседневность
И стены столь малы,
Что слышно всех соседей.
Один на один с самим собой.
Среди груды камней,
Где бесцельно бродит скука
И тянутся бесконечно длинные дни.
По субботам после полудня
Спускаешься в подземку
И видишь всё это
С другой стороны...*

Он сел в первый подошедший поезд, песня продолжала звучать в голове:

*...здесь нет моря,
Как в пригороде на пляже.
Видеть синеву
И сидеть на мели.
Оставляя свой след,
Когда следов больше нет.
Шатле – конец пути.*

В клипе Флоран хватает зубило и кувалду и начинает крушить стену в метро, пока в брешь не врывается море, бурные потоки преследуют его, затопляют все вокруг, поднимаются и выплескиваются на улицы Парижа. *Да, море спасло бы тебя. От хандры, от разлуки,*

от осени, от всего. Но «стоя на папёрти, далеко не уедешь». Пиши. А то... La fin du voyage... Куда ты едешь? Что за остановка? «Place Pigalle»? Выходим. Вот тебе и Конец пути.

Мишель поднялся из метро на площадь, огромная неоновая реклама «Folies Pigalle» ударила в глаза, бульвар Клиши открыл перед ним ворота, он двинулся вперед. Секс-шопы, стриптиз-бары призывно мигали вывесками, обещали тепло и уют, «Мулен Руж» весело махал крыльями мельницы, по бульвару сновали толпы туристов, у входа в заведения зазывалы бубнили заученные фразы, обещая райские удовольствия за грош. Походив туда-сюда и выкурив все сигареты, он решил зайти в «Le Sexodrome», самый большой в Европе развлекательный секс-комплекс, вошел на первом этаже в маленькое кафе, сел за столик, заказал кофе и вытянул ноги. *Ну чего тебя сюда занесло. В кино не хочется, секс-шопы тебе не нужны. Просто посидим в тепле, побродим, посмотрим на людей да и поедем домой. Ну ладно.*

Через полчаса брожения внимание Мишеля привлекла худенькая рыжеволосая девушка, одетая в корсет и черные чулки, на высоченных лабутенах, но с затаенной робостью деревенской простушки в уголках глаз; она раздавала карточки-приглашения на peep show. Он пересчитал оставшиеся купюры, вздохнул и зашел. Круговой коридор, как в опере, открывал множество дверей, которые вели в маленькие кабинки с одним креслом, перед которым было установлена золоченая рама с прозрачным с обратной стороны зеркалом. Мишель сел в кресло, расстегнул плащ: за зеркалом виднелась огромная круглая кровать, застеленная красным, на ней на спине лежал мужчина, сверху валетом разместилась девушка, которая без особого энтузиазма сосала слегка эрегированный член мужчины, накрыв его лицо своими бедрами. Мишель ощутил вздутие в паху, ему страшно захотелось закурить, в подушечках пальцев закололи иголки: до девушки было всего два метра, это было не кино, на ее бедре был виден запудренный синяк, она работала, ей было скучно, но она была живая, теплая, и больше всего ему сейчас хотелось прикоснуться к ней; он засунул руку в карман и потрогал блокнот.

***

Майкл вернулся в дом, на кухне включил кофеварку, выжал сок из двух апельсинов, поставил на поднос стакан, кофейник, тарелку с круассанами, мисочку клубничного варенья, кувшинчик сливок, масло, китайскую чашку тончайшего фарфора, положил серебряные приборы, потом накрыл все это салфеткой и отправился наверх.

На втором этаже он толкнул дверь в спальню ногой, осторожно зашел и поставил поднос на столик у кровати, поднял голову – девушка спала на правом боку. Он опустился рядом на кровать, обнял ее рукой, добрался до груди, покрутил соски и опустил руку вниз, пощупал упругий живот, прижался к спине и попытался раздвинуть бедра.

– Ну я сплюю! – девушка повернулась на спину, забросила руки наверх подушки, но глаза не открыла.

– А кофе стынет, – Майкл раздвинул ноги девушки, уселся меж ними, дотянулся до подноса, сдернул полотенце, взял круассан, окунул его в варенье и повозил по животу, опустил ниже, пощекотал им клитор, пальцами левой руки раскрыл губы и вставил круассан внутрь.

– Ну щекотно!

– А так? – он вынул круассан, опустил голову и языком слизал варенье – девушка дернула ногами и свела бедра.

– Вот задушу тебя сейчас – будешь знать как!

– Ну погоди, я голодный, дай хоть поесть напоследок, – Майкл положил круассан на живот девушки, раздвинул руками ее бедра и улегся между ними. – Ты сегодня клубничная.

– А вчера была другая?

– А вчера была банановая.

– Точно! А тебе какая больше нравится?

– Настоящая. Узнаваемая.

– А зачем же ты мажешь?

– Люблю, когда ты вся извозюканная. Когда по тебе течет густая жидкость. Что-то мне это напоминает. Смутно.

– Вот палучишь щас у меня – будет тебе смутно!

– Сладкого? – Майкл откатился на бок, взял круассан и отгрыз от него добрый кусок.

– Ну ты что! Я уже тоже голодная! – девушка сдвинула бедра, потерла их друг о друга и раздвинула опять. – Давай!

Майкл тихонько провел мягким тестом по блестящим губам, раздвинул их и приник к ним, не отрываясь, поднял руки и поймал пальцами соски, потянул их; ноги девушки задрожали, задергались, напряглись, вытянулись, пружина оргазма подбросила ее вверх, она сжала бедра, шумно выдохнула и распласталась на кровати.

– Хочешь сока, маленькая?

– Ужасно хочу!

– Апельсинового?

– А у тебя другой есть?

– Есть и другой. Но сначала попей, – он нагнулся, достал стакан с подноса и подал девушке – та выпила его залпом.

– Все! Есть хочу! И кофе! Со сливками! И круассаны! С вареньем!

– А сливки в кофе или так?

– Ну ты паскуд какой!

– Вот она награда.

– Ну погоди, мой хороший, ну щас, дай пожую сначала. Вкусно!

– Сам испек. Наелась?

– Ну давай уже его. Торчун мой любимый. Иди сверху ко мне. Я так себе лежу, отдыхаю, ем круассан, а он тут попался, ну мы и его... Нравится ему? Ну, ну, не спеши, ну куда ты рвешься... ууда... Ну вот! Прямо в рот! Давай еще кофе скорей! И сливок добавь!

***

Он был совсем маленьким, в руках у него была красная пластмассовая лопата, которой он усердно рыл песок в песочнице – строить ничего не строил, а просто переносил с места на место и с удовлетворением высыпал; бабушка сидела неподалеку на скамейке и вязала шарф. Он был в песочнице один, двигался по ней зигзагами, ощущал себя полным хозяином, вонзал лопату в песок, поднимал обеими руками на уровень лица, разворачивался и высыпал, следя, как ветер разносит его вокруг. Над головой шелестели листья каштана, сквозь них почти не было видно неба, чирикали воробьи, солидно каркали вороны. К песочнице подходила женщина, она вела за руку девочку в голубых джинсиках и белой курточке с капюшоном, на ногах у нее были розовые кроссовки, ногти были покрашены красным лаком. Женщина отпустила руку девочки и присела на скамейку. Девочка подошла к песочнице и остановилась, потом зашла внутрь. Он с удвоенным рвением взялся рыть песок и рассыпать его вокруг, пока не услышал голос бабушки: «Ну-ка прекрати! Засыплешь глаза девочке! Дай ей лопатку, видишь, ей покопать хочется». Лопатку отдавать было жалко, как царский скипетр, он выпрямился и оглядел претендентшу: медно-золотистые волосы стянуты белым бантом в высокий узел, курносый нос слегка покрыт веснушками. Она подняла руку и тихонько потрогала его за плечо, в глаза ему попала розовая бирюлька на zipperе ее курточки, он взялся за нее и потянул вниз. Девочка поймала его ладонь и повела вниз, курточка распахнулась, и под ней оказалась белая маечка с медведем, едущим в коляске. Он погладил картинку и радостно закричал: «Мишка! Мишка!»

Михаил медленно выходил из сна. *Там же еще что-то написано было, на майке. Вот, La fete, точно. Она вся была такая праздничная. И она тебя первая потрогала.* В душе у него было тепло, он расплющил глаза и уставился в старые шелковые желтые бабушкины шторы, усыпанные золотыми рыбками. Он порылся в памяти, никаких воспоминаний, связанных с песочницей не нашел, но ощущение, что он знает эту девочку, только укрепились. *Где-то же она есть, сейчас. Узнать бы. Живешь тут один. И поговорить не с кем. Ну пошли на работу собираться, там с Сан Санычем и поговоришь.*

Он жил в бабушкиной квартире, на четвертом этаже старого дома, в однокомнатной квартире вот уже два года. Университет он бросил после третьего курса, потынялся по разным работам и осел в Пункте по приему вторсырья: никто не полоскал ему там мозги, он жил в своем мире, часто на своем Острове, был Робинзоном Крузо, бродил по лесам с попугаем на плече, следил из зарослей за высадкой пиратов, отбивал у них прекрасную пленницу и жил потом с ней в пещере. А если надоедало на острове, он становился д'Артаньяном, бродил вечером по Парижу, дырявил шпагой гвардейцев кардинала и спасал Констанцию. В школе он записался в кружок по изучению французского языка, позже прочитал рассказ М. Веллера «Хочу в Париж» и незабвенный «Праздник, который всегда с тобой»; Гугл помог ему это увидеть на карте и представить. Любимым занятием его было рисовать в уме маршрут: от Нотр-Дам, потом Сорбонны, вверх, через Люксембургский сад, мимо памятника Нею, на бульвар Монпарнас, дойти до «Ротонды», усесться за столик на террасе, вдохнуть запах кофе... Бабушкина кружка с «Нескафе» на маленькой кухне грела руку, сигарета дымилась в другой – перенестись из Мухосранска в Париж было для него делом одного мгновения. Сан Саныч, его шеф, часто гыркал на него и заставлял вернуться на грешную землю, тогда Михаил в следующий раз делал его кардиналом Мазарини и заставлял трепетать перед блестящим клинком из толедской стали.

Или он был писателем, безвестным, но талантливым, писал рассказы, которые никто не печатал, но однажды утром обнаруживал у себя под дверью толпу журналистов и издателей – они дрались за право первым издать его, подсовывали под дверь чеки с шестизначными цифрами – замок Монте-Кристо уже можно было начинать строить, хоть пока только в уме. Как почти историк Михаил любил готику, и замок получался с множеством остроконечных шпилей и был больше похож на Сент-Шапель на острове Сите, но потом вопрос безопасности заставлял его добавить несколько мощных башен от Консьержери. Тут на ум приходил Филипп IV Красивый, потом тамплиеры, а за ними, неизбежно, «Маятник Фуко» Умберто Эко, его сменил Дэн Браун, современный Рим с древними тайнами, сокровищами Ватикана, жгучими красавицами брюнетками и погонями на узких итальянских улочках, а он разрывался как витязь на распутье, не зная куда бежать – за сокровищами или за красавицами.

Михаил собирался на работу, батон с маслом и растворимый кофе были его завтраком, а в голове крутились пиры из «Тысячи и одной ночи», роскошные яства на золотых блюдах и серебряных столиках и полуобнаженные невольницы, танцующие на персидских коврах босиком, а он возлежит на мягком диване и покуривает кальян.

На улице он закурил и за десять минут дошел до Пункта.

– Здрасти, Сан Саныч.

– Здорова.

– А у Вас так бывает... чтоб из детства что-то снилось?

– Бывает. Тебе, что, приснилось, что мамка тебя в ванне купала? А писюнчик торчал и радовался?

– Та не! Что-то такое, что я и не помню. Я был совсем маленький...

– И сосал сиську.

– Да нет же! Ничего я не сосал!

– А что делал.

– Нууу... песок рыл.

- И чё нарыл.
- Ничё не нарыл.
- И весь сон? Про песок?
- Ну не про песок совсем!
- А чё тогда?
- Ну там была девочка...
- Так так бы и сказал, что девочка. Тада все ясно.
- Чё Вам ясно-то?
- Хороший сон. Плюнь через левое плечо три раза, и сбудется. Да не тут плюй, зараза!

Давай в магазин сгоняй, начинать скоро.

Михаил привычной тропой шел в магазин за пивом и думал, что Аравия утром у него в голове как раз из песка и возникла. *Ну а песочница откуда? Не помню я никаких ни песочниц, ни девочек. Да и зачем мне маленькие девочки. Приснилась бы лучше какая невольница... Мы бы с ней на ковре-самолете катнулись... на море куда-нибудь... А она бы говорила: Нет, я не могу! Я не взяла купальник! А ты бы говорил: Да ерунда! Тут и нет никого, раздевайся! И она бы так... разделась... сняла все... совсем... и была голая, и смущалась, и прикрывала ладошками сиськи, а внизу все было бы видно. И говорила бы тебе: Теперь ты, а то так нечестно! И ты бы так... резким движением так... zipper на джинсах – хоп! А она: О боже! Я такого никогда не видела! А ты: А ты можешь его потрогать? Потрогать?! Ты что! Мне страшно! Ты невольница или кто?! Становись на колени! Удалетвари мое заветное желание! Слушаюсь и повинуюсь, мой господин! А ты бы взял ее так за затылок, придвинул, вставил ей прямо в рот... Ооой, блин!*

- Ну где тебя, блин, носит! Трубы горят! Давай пиво!

Михаил работал на автомате, а в голове у него не утихал ветер с востока. *А помнишь, как в «Анжелике» этот бей приказал невольницу к столбу привязать и кнутом стегать, а сам слушал и наслаждался. Оно тебе надо – кнутом стегать? Вот сиськи у нее классно матлялись. Давай не будем кнутом. Ладно, может она и так покорная будет. Как это – может?! Она невольница или кто?! Точно, забыл. Тогда ты так к ней подходишь сзади, прислоняешься к заднице, обнимаешь руками и добираешься до сисек и прямо так щупаешь их, на самом деле... а она привязанная, ничего сделать не может. Да может она и не хочет ничего делать, может ей приятно, она так говорит Ах!, отставляет попку и раздвигает немного ноги. А ты так zipper – раз! Достоешь его и вставляешь. А она говорит: Ой, какой он большой! Тебе больно? Да, но не останавливайся! Двигай! Глубже! Сильнее!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.